

Эпидемия как история: соотношение структуры и агентности в нарративах о «черной смерти» в современных русскоязычных школьных учебниках

М. С. Фабрикант

Статья поступила
в редакцию
в июле 2020 г.

Фабрикант Маргарита Сауловна — кандидат социологических наук, кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник Лаборатории сравнительных исследований массового сознания Экспертного института НИУ ВШЭ; доцент кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук БГУ. Адрес: 220004, Беларусь, г. Минск, ул. Кальварийская, 9. E-mail: mfabrykant@hse.ru

Аннотация

В статье представлены результаты сравнительного анализа нарративов о «черной смерти» — западноевропейской эпидемии чумы середины XIV в. — в шести современных русскоязычных школьных учебниках истории, изданных в России, Беларуси, Украине и Казахстане. Проведенный структурный анализ позволяет ответить на исследовательский вопрос о соотношении заданных извне условий (структуры) и индивидуального выбора (агентности) в изложении причин эпидемии, последовательности событий, атрибутировании характера протекания эпидемии и ее последствий. Установлено, что в нарративах структура преобладает над агентностью. Учебники не предлагают эталонных поведенческих паттернов как примеров для подражания и неявно транслируют представление о поведении в условиях эпидемии как о массовидном явлении, а не о результате индивидуального выбора. Такое представление об агентности вступает в явное противоречие с двумя условиями эффективной борьбы с эпидемией, выявленными на данных пандемии COVID-19: качественного государственного управления и осознанной готовности населения следовать предписаниям властей, несмотря на массово распространяющуюся недостоверную информацию. «Черная смерть» подается в учебниках истории фаталистически — в числе неизбежных атрибутов позднего Средневековья как «эпохи бедствий». Тем самым транслируется восприятие эпидемии в любую эпоху как знака наступления «плохих времен», что может способствовать формированию ожиданий неотвратимых бедствий в будущем и к катастрофизации переживания негативных явлений в настоящем. Чтобы сделать неизбежное в дидактическом формате обращение к истории как к «учительнице жизни» более конструктивным, предлагаются два инструмента: эксплицитное сравнение с эпидемиями других исторических эпох (не только современности) и контрфактическое моделирование альтернативных вариантов развития событий с учетом общих закономерностей поведения людей и особенностей эпохи.

Ключевые слова

исследования учебников, публичная история, нарративный анализ, эпидемия, структура, агентность, медиавизм.

Для цитирования

Фабрикант М. С. (2021) Эпидемия как история: соотношение структуры и агентности в нарративах о «черной смерти» в современных русскоязычных школьных учебниках // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. № 1. С. 158–177. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-1-158-177>

Epidemic as History: Interplay of Structure and Agency in Narratives of the Black Death in Contemporary Textbooks for Russian Language Schools

M. S. Fabrykant

Marharyta Fabrykant, Candidate of Sciences in Sociology, Candidate of Sciences in Psychology, Senior Research Fellow, Laboratory for Comparative Studies in Mass Consciousness, Expert Institute, National Research University Higher School of Economics; Associate Professor, Department of Social and Organizational Psychology, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University. Address: 9 Kalvayanskaya Str., 220004 Minsk, Belarus. E-mail: mfabrykant@hse.ru

Abstract The article presents the results of a comparative analysis of narratives of the Black Death (the epidemic of plague that struck Western Europe in the mid-1300s) in six contemporary history textbooks in the Russian language published in Russia, Belarus, Ukraine, and Kazakhstan. Structural narrative analysis provides an answer to the research question about the interplay of external circumstances (structure) and individual choices (agency) in depicting the causes of the Black Death, its course of events, and attribution of its developments and consequences. Findings demonstrate that structure prevails over agency. The textbooks offer no behavioral patterns to internalize and implicitly conceptualize behavior in an epidemic as a mass phenomenon, not as a product of many individual choices. This perception of agency blatantly contradicts the two prerequisites for an effective epidemic response elaborated during the COVID-19 pandemic: quality of governance and population's willingness to comply with authorities' recommendations in spite of the growing circulation of false information. The Black Death is presented in textbooks as an inevitable attribute of the Middle Ages—the “era of calamities”. Hence, an epidemic in any other historical period appears an omen of “bad times” coming, which is likely to create expectations of new unavoidable disasters and foster catastrophic perceptions of the already existing problems. To shift this approach to history as “life's teacher”, intrinsic to didactic pedagogy, two methods are suggested: explicit comparison with epidemics from other historical periods (not only the present) and counterfactual thinking to create alternative scenarios with regard to general patterns of human behavior and the characteristics of the Medieval Period.

Keywords textbook research, public history, narrative analysis, epidemic, structure, agency, medievalism.

For citing Fabrykant M. (2021) *Epidemiya kak istoriya: sootnoshenie struktury i agentnosti v narrativakh o “chernoy smerti” v sovremennykh russkoyazychnykh shkol'nykh uchebnikakh* [Epidemic as History: Interplay of Structure and Agency in Narratives of the Black Death in Contemporary Textbooks for Russian Language Schools]. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, no 1, pp. 158–177. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-1-158-177>

Пандемия COVID-19 закономерно вызвала интерес к тому, каким образом особенности протекания эпидемии и меры, принимаемые для борьбы с ней, влияют на повседневные практики и социальные институты, в том числе на образование. Существенно меньше внимания уделяется обратной постановке вопроса:

каким образом образование может влиять на поведение людей, внезапно оказавшихся в ситуации пандемии? В недавней статье, опубликованной в *Nature Human Behavior*, утверждается, что для успешного совладания с проблемой необходимо сочетание двух факторов: адекватных решений на уровне госуправления и готовности населения массово соблюдать новые социальные нормы [Bave et al., 2020]. В условиях, когда свойства нового вируса лишь постепенно становятся понятны даже медикам, готовность следовать обоснованным рекомендациям и при этом игнорировать столь же массово распространяемые ложные представления зависит не только от медицинского просвещения, но и от паттернов поведения в ситуации эпидемии, представленных в историческом опыте прошлого.

Значимость прошлого опыта быстро проявилась в попытках осмысления происходящего. В медиа отмечалось, что последняя эпидемия такого масштаба — испанский грипп — имела место около столетия назад. Пандемия выглядит такой неожиданной и оттого пугающей в том числе и потому, что воспринимается как атрибут прошлого, которое уже преодолено и не может повториться. Эта внезапная проекция прошлого в настоящее могла способствовать восприятию происходящего в известном психологам формате «Я никогда не думал(а), что это может случиться со мной», что приводит к сниженной критичности мышления и, как следствие, готовности действовать наиболее привычным образом, ориентируясь на прошлый опыт. Если ситуация воспринимается как не имеющая аналогов в современности и отсылающая к коллективному опыту прошлого, то каков этот опыт?

Эмпирических исследований прототипичности различных эпидемий прошлого в современном массовом сознании не проводилось. Судя по медиаматериалам, наиболее частые ассоциации пандемия COVID-19 вызывает с крупнейшей в истории Европы эпидемией чумы XIV в., известной как «черная смерть». Само название, краткое и образное, наряду с масштабом последствий способно сделать «черную смерть» более узнаваемой, чем другие знаменитые эпидемии, такие как Юстинианова чума VI–VIII вв. или Великая лондонская чума 1665–1666 гг. Аналогия текущей пандемии с «черной смертью» интересна тем, что отсылает к одной из особенно ярко представленных в публичной истории эпох — Средневековью.

Репрезентации западноевропейского Средневековья в коллективном сознании стали предметом отдельной области исследований на стыке медиэвистики и культурологии. В отличие от медиэвистики — собственно истории Средних веков — медиэвизм исследует, каким образом этот исторический период реконструируется в позднейшие исторические эпохи. Особое внимание уделяется расхождениям между историческими фактами, установленными учеными-медиэвистами, и преломлением этих фактов

в индивидуальном и массовом сознании [Matthews, 2015]. Интерес к отдельным событиям и явлениям Средневековья часто связан с использованием этого материала для осмысления не столько исторического прошлого, сколько современности. Противопоставление своей эпохи Средневековью как «темным векам», свойственное мыслителям европейского Ренессанса и Просвещения, или, напротив, обращение к средневековому наследию как источнику утраченных этических и эстетических идеалов, к которому прибегали романтики, прямо отражает и отчасти определяет одну из основных дихотомий европейской мысли: примат рационального или иррационального начал. На протяжении XX в. эти две версии исторического нарратива о Средних веках, как отмечает знаменитый популяризатор истории Н. Дэвис, сменяли друг друга как взаимоисключающие [Davies, 2014]. В популярной культуре XXI в., напротив, часто наблюдается их сложное переплетение: образ не только романтизированного, но и «страдающего Средневековья» [Косякова, 2018] с его трудностями и ошибками рассматривается как источник жизненной мудрости и образцов для подражания [Elliott, 2017]. Неудивительно, что во время текущей пандемии ряд СМИ опубликовали рекомендации, основанные на средневековом опыте¹.

Однако наиболее универсальный по охвату аудитории нарратив истории Средних веков содержится не в СМИ, даже таких влиятельных, как *Washington Post* или *New Yorker*, и не в явлениях популярной культуры, даже таких массовых, как сериал «Игра престолов», а в школьных учебниках истории. При этом знакомство с содержанием учебников происходит в подростковом возрасте, т. е. в период формирования идентичности и связанного с этим поиска ролевых моделей. Поэтому так важно, какие именно нарративы о «черной смерти» как прототипической эпидемии прошлого представлены в современных учебниках истории Средних веков.

Цель данного исследования — проанализировать способы осмысления реальности и паттерны поведения в ситуации эпидемии, которые транслируют в нарративах о «черной смерти» современные российские и другие русскоязычные учебники всемирной истории. Сравнение российских учебников с учебниками других постсоветских стран, где обучение истории в школе также ведется (в том числе) на русском языке, позволяет выявить разнообразие и неоднозначность трактовок одного и того же материала внутри общего регионального и языкового пространства. Главный исследовательский вопрос напрямую следует из ранее обозначенной дихотомии представлений о Средних веках. Какими представлены современным школьникам люди Средневековья — несчаст-

¹ Knight S. Reading about the Black Death with My Daughter during the Coronavirus Outbreak // *The New Yorker*. 2020. March 14; Mulhall J. Milan's Medieval Response to the Plague Holds Lessons for Today // *The Washington Post*. 2020. April 27.

ными жертвами неподвластных им внешних обстоятельств или автономными действующими лицами, способными нести ответственность за последствия своих поступков? В социальных науках этот вопрос восходит к общетеоретической проблеме соотношения структуры и агентности и применительно к изучению нарративов о «черной смерти» позволяет, не впадая в анахронизм, оценить их значение с точки зрения поведения и мировосприятия людей во время пандемии COVID-19.

Соотношение структуры и агентности можно считать лейтмотивом социальных наук, и особенно социологии. Агентность означает способность социальных акторов к самостоятельному, а не заданному извне формированию интенций и попыток их реализации в действиях. Структура, напротив, означает общую логику внешних ограничений, которые детерминируют эти интенции и действия или по меньшей мере задают рамки для их реализации. Структурный подход подразумевает выявление того, как, казалось бы, автономные акторы (например, авторы школьных учебников), на самом деле, подчас не отдавая себе в этом отчет, воспроизводят заданные извне структурные правила социальных институтов и социально разделяемых ценностей, например подчиненное положение отдельных категорий населения [Stanton, 2014]. Агентностный подход, напротив, подразумевает выявление потенциала социальных акторов направленными усилиями преобразовывать, казалось бы, незыблемые и в представлении многих естественные и единственно возможные для данного времени и места варианты социального порядка [Вельцель, 2017]. Как показало недавнее исследование на выборке школьных учебников из 78 стран, в последние полстолетия в учебниках наблюдается рост агентности, однако при сохранении более раннего отображения структур, особенно социальных институтов [Lerch et al., 2017]. Таким образом, дуализм структуры — агентности воспроизводится не только в исследовательских подходах, в том числе в социологии образования, но и в самом предмете исследования, в частности в школьных учебниках и учебных программах.

В последние десятилетия соотношение структуры и агентности подвергается переосмыслению и в социальной теории, и в программах эмпирических исследований. С одной стороны, идея «возвращения актора» (после преобладания структурного функционализма, структурализма и даже постструктурализма) породила объяснительную модель, основанную на переходе от представления о статичных структурах к процессу структуризации. В рамках этого представления социальная структура не предстает по отношению к социальным акторам в качестве дюркгеймовского объективно заданного социального факта, а воссоздается либо видоизменяется благодаря и посредством активности социальных акторов [Shilling, 1992]. С другой стороны, в рамках социально-конструктивистского подхода, напротив, отмечается, что не только

отдельные интенции и действия социальных акторов, но и сама идея агентности структурно детерминирована и представляет собой социальный конструкт постхристианской западной культуры, в рамках которого происходит постепенный перенос агентности с божественного начала, которое мыслится все более трансцендентным и все менее склонным к активному вмешательству в мирские дела, на человеческое начало — волю и действия индивидуальных и коллективных акторов [Meyer, Jepperson, 2000].

В ряде исследований учебников переход от преобладания структурного подхода к акцентированию агентности связывается с предоставлением места в истории дискриминируемым меньшинствам внутри западных обществ. Поэтому вопросы о соотношении структуры и агентности часто возникают в исследованиях учебников применительно к представленности в них повестки дня, связанной со способностью людей осуществлять социальные изменения и верой в эту способность (*empowerment*) [Éthier, Lefrançois, Demers, 2013], например в связи с экологической тематикой [Bromley, Meyer, Ramirez, 2011] и правами человека [Bromley, 2014].

В данном исследовании мы сосредоточим внимание на транслируемых в учебниках истории представлениях о соотношении внутренней свободы выбора и внешних ограничений в решении проблемы, первоначально внешней — в силу своей биологической природы — по отношению и к отдельным индивидуальным и коллективным акторам, и к социальной структуре в целом, но быстро ставшей социальной. Характер протекания эпидемии и тем более связанные с ней социальные изменения обусловлены не только биологическими свойствами самой болезни, но и в меньшей степени коллективным поведением. Доступный набор массовых, в том числе организованных коллективных, реакций на «черную смерть» предстает по отношению к отдельным акторам в качестве социального факта, т. е., по сути, такой же объективной реальности, как и сама «черная смерть». Исторический период, в который имела место «черная смерть» как прототипическая эпидемия, также предоставляет пространство для реализации как структурного, так и агентностного подходов. С одной стороны, средневековое общество, подобно другим традиционным обществам, обычно мыслится как жесткая устойчивая структура, в которой каждому по праву рождения отведено строго определенное место; хотя западное средневековое христианство акцентирует индивидуальное начало — представление о каждом человеке как образе и подобию Бога, ценность спасения каждой души и личную ответственность за следование христианской доктрине, — возможности для проявления этого индивидуального начала не распространяются на социальную сферу. С другой стороны, образ Средневековья в массовом сознании сложился во многом под влиянием романтических героев, которые отстаивают свои интересы и свое

право на самовыражение, в том числе вопреки внешним ограничениям. Эта традиция популяризации истории Средних веков может в определенной мере влиять на авторов учебников, побуждая их невольно проецировать на Средневековые представления об агентности, характерные для более поздних эпох, в том числе современности, особенно при описании таких событий, как «черная смерть», очевидно требующих активных действий для противостояния внешней угрозе. Таким образом, нарративы о «черной смерти» в школьных учебниках представляют собой достаточно неоднозначный материал, чтобы стать объектом проецирования и трансляции различных представлений о соотношении структуры и агентности в ситуации внешней угрозы, аналогичной текущей пандемии COVID-19.

1. Данные и методы

1.1. Выборка школьных учебников истории Средних веков

Материал для исследования составили постсоветские русскоязычные учебники, которые изданы и используются в настоящее время в преподавании истории в общеобразовательной средней школе и в которых история «черной смерти» раскрыта посредством отдельного нарратива, составляющего текст длиной не менее одного абзаца, полностью посвященного данной теме. Выборку материалов, соответствующих этим условиям, составили шесть учебников всемирной истории, из них два российских, один белорусский, два украинских и один казахстанский:

- Айтбай Р. Т., Касымова А. К., Ешмукамбетов А. (2018) Всемирная история: учебник для 6-го класса общеобразовательной школы. Алматы: Атамұра;
- Бойцов М. А., Шукуров Р. М. (2016) Всеобщая история. История Средних веков: учебник для общеобразовательных организаций. М.: Русское слово;
- Ведюшкин В. А., Уколова В. И. (2014) История. Средние века. 6-й класс: учебник для общеобразовательных организаций. М.: Просвещение;
- Крижановский О. П., Хирная Е. О. (2007) История средних веков: учебник для 7-го класса общеобразовательных учебных заведений. Львов: Ориана-Нова;
- Лихтей И. М. (2007) История Средних веков: учебник для 7-го класса. Киев: Грамота.
- Федосик В. А. и др. (2009) История Средних веков: XIV–XV вв.: учеб. пособие для 7-го класса общеобразовательных учреждений с русским языком обучения. Минск: Народная асвета.

Оба российских учебника по истории Средних веков предназначены для 6-го класса и включены в федеральный перечень учебников, рекомендованных Министерством просвещения. В учебнике В. А. Ведюшкина и В. М. Уколовой нарратив о «черной смерти»

включен в параграф под названием «XIV век в истории Европы» и представлен в его первых трех пунктах, озаглавленных «Черная смерть» (датировка и основные события эпидемии), «Поиски виновных» (о попытках участников событий осмыслить причины происшедшего) и «Крестьяне, сеньоры и последствия чумы» (о среднесрочных социально-экономических последствиях эпидемии). В учебнике М. А. Бойцова и Р. М. Шукурова нарратив о «черной смерти» содержится в параграфе, озаглавленном «Тяжкие времена», а именно в его первых двух пунктах под заголовками «Голод и „черная смерть“» (причины и основные события эпидемии) и «От натурального хозяйства — к товарному» (экономические последствия эпидемии).

Белорусский учебник под редакцией В. А. Федосика предназначен для учеников 7-го класса, поскольку изучению истории Средних веков отводится не один, как в российских школах, а два года, и второй полностью посвящен истории XIV–XV вв. — так называемого позднего Средневековья. Нарратив о «черной смерти» помещен в параграф, озаглавленный «Повседневная жизнь человека позднего Средневековья», и составляет второй его пункт под заголовком «„Черная смерть“ и ее последствия».

Украинские учебники, включенные в выборку, предназначены для учеников 7-го класса и охватывают весь период Средних веков. В учебнике О. П. Крижановского и Е. О. Хирной нарратив о «черной смерти» представлен в параграфе «Средневековые непогоды. „Три беды“», под которыми понимаются войны, голод и эпидемии. В учебнике И. М. Лихтея нарратив о «черной смерти» включен в пункт «Состав и движение населения» параграфа под названием «Человек в Средневековье».

Казахстанский учебник Р. Т. Айтбая, А. К. Касымовой и А. О. Ешмукамбетова содержит целый параграф о «черной смерти», озаглавленный «„Черный мор“. Восстания крестьян во Франции и Англии». Этот параграф открывает раздел учебника под названием «Средневековое европейское общество в XIV — первой половине XV в.».

1.2. Нарративный анализ: обоснование и процедура

Нарративный анализ — не единственный способ анализа исторических текстов вообще и учебников истории в частности. В исследованиях учебников часто применяется контент-анализ, если изучается специфическая часть содержания [Окольская, 2012], или, если предмет исследования — нарратив в целом, критический дискурс-анализ [Bloor, Bloor, 2013]. Значительная часть исследований публичной истории посвящена особенно спорным и особенно значимым для формирования коллективных идентичностей событиям национального исторического нарратива, и критический дискурс-анализ позволяет выявить скрытые за видимой нейтральностью попытки продвижения одной из идеологических позиций. В отличие от предмета такого рода исследований, нарратив

о «черной смерти» не является полем «боев за историю» (по крайней мере пока), и его проекция в современность связана с трансляцией не идеологических позиций, а паттернов поведения в ситуации эпидемии. Нарративный анализ позволяет выявить, как именно в тексте представлена логика поступков действующих лиц и происходящего с ними. Эта логика в сюжетном повествовании часто не проговаривается напрямую, а подается посредством выбора одного из многих способов воплощения одного и того же материала в виде разных сюжетов [Fabrykant, 2017]. Таким образом, нарративный анализ позволяет выявить причинно-следственные связи, неявно заложенные в самой структуре нарратива и придающие событиям смысл и единство [Пузанова, Троцук, 2003]. Именно поэтому для исследования соотношения структуры и агентности в нарративах о «черной смерти» в современных русскоязычных школьных учебниках был применен нарративный анализ.

Исходя из этой базовой структуры нарратива были обозначены параметры сравнения нарративов о «черной смерти» в школьных учебниках. Внимание к причинно-следственным связям подразумевает сопоставление текстов отдельно по способу повествования о самом историческом явлении (какие события отобраны? в какой последовательности расположены? как логически соотносены между собой?), о его причинах (причин одна или много? как они связаны с самим историческим явлением и друг с другом?) и последствиях (на какие сферы жизни повлияло данное историческое событие? каких действующих лиц нарратива оно затронуло и каким образом? как оцениваются последствия — положительно, отрицательно, нейтрально или амбивалентно?). Кроме того, поскольку «черная смерть» представляет собой не единичное событие, а последовательность событий, целесообразно сравнить приписываемые в нарративах причины самого явления и атрибутирование отдельных событий — иными словами, почему «черная смерть» вообще имела место и почему эпидемия происходила именно так, как происходила. В соответствии с исследовательским вопросом о соотношении структуры и агентности для каждого из этих четырех параметров сравнения был дифференцирован материал нарратива, относящийся к заданным извне условиям среды и к действиям персонажей повествования. Фрагмент нарратива классифицировался как отражающий структурный подход, если описываемые в нем события, в том числе действия отдельных людей, групп или категорий людей, подавались как детерминированные отдельными характеристиками социального порядка, внешними и предзаданными по отношению к участникам этих событий. Напротив, агентностный подход отмечался в том случае, когда в соответствующем фрагменте нарратива речь шла о социальных акторах, индивидуальных либо коллективных, действия которых подавались как проявления их свободной воли и реализации их интересов, выбора из множества возможных вариантов.

Предварительное рассмотрение учебников, включенных в выборку, показало, что ни в одном из них не наблюдается выраженного преобладания структурного либо агентностного подхода, которое просматривалось бы во всех главах при описании различных событий, явлений и периодов средневековой истории. Следовательно, соотношение структуры и агентности в нарративах о «черной смерти» отражает не общую позицию авторов относительно исторической реальности, а представления именно о данном конкретном историческом феномене.

2. Результаты

Анализ нарративов о «черной смерти» в каждом из шести учебников в соответствии с разработанной схемой представлен в табл. 1. Рассмотрим последовательно результаты по каждому из компонентов нарратива и обозначим сходство и различия между учебниками в соотношении структуры и агентности в каждом из этих компонентов.

2.1. Причины «черной смерти»

Ни в одном из проанализированных учебников не фигурируют причины эпидемии, которые можно было бы отнести к категории агентности. Структурные причины можно разделить на две группы. Первая — отсылка к «духу времени» как предельно обобщенной характеристике эпохи, а конкретно XIV века в российских и белорусском учебниках или всего Средневековья в украинских учебниках, как «тяжких времен». В этом смысле «черная смерть» встает в один ряд с другими «бедствиями» эпохи — голодом и войнами. Таким образом формируется общий горизонт ожиданий, и «черная смерть» рассматривается одновременно как неизбежная и привязанная к строго определенному периоду в прошлом — к (позднему) Средневековью, которое оценивается однозначно негативно.

Другая группа причин — межрегиональная торговля — не позиционируется как специфическая для эпохи и выводится безоценочно. Ни в одном учебнике не утверждается, что, ограничив торговлю, можно было избежать эпидемии. Регион, откуда эпидемия была завезена, также обозначается нейтрально, без каких-либо оценочных суждений и коннотаций. Хотя в одном из украинских учебников в качестве одного из «бедствий» Средневековья наряду с голодом, войнами и эпидемиями, причем на первом месте, указаны миграции, при этом речь идет о внутризавпадноевропейских миграциях, и ксенофобские коннотации здесь отсутствуют. Ни в одном из учебников, где отмечается, что в Западную Европу «черная смерть» попала с Востока, не рассматривается, каким образом чума появилась на Востоке и как она там протекала. Вместо этого принимается исключительно западноевропейская оптика.

В качестве «чужой страны», опасной и экзотической, в проанализированных нарративах выступает не иной географический регион, а само историческое прошлое — Средневековье как

опасная зона. Тем самым причинность, приписываемую «черной смерти», можно обозначить как ограниченный фатализм: внутри «эпохи бедствий» «черная смерть» неизбежна, а за пределами эпохи не опасна.

Интересное исключение составляет казахстанский учебник, в котором причины «черной смерти» вообще не обозначены: экспозиции в нарративе нет, вместо нее сразу констатируется само событие начала эпидемии. Этот вариант также может восприниматься как фаталистический: произошло то, что произошло, иного не дано, однако без привязки к эпохе и ее специфике. В отличие от такого варианта нарратива о «черной смерти» ограниченный фатализм предполагает генерализацию: одно негативное явление масштаба эпидемии чумы рассматривается как маркер «эпохи бедствий», вследствие чего могут формироваться ожидания других грядущих бед либо восприятие в качестве таковых уже существующих негативных явлений с возможной переоценкой их масштаба.

2.2. Последовательность событий

Изложение последовательности событий, в отличие от причин эпидемии, во всех проанализированных учебниках включает элементы как структуры, так и агентности. В качестве структурной особенности упоминается стремительный характер распространения болезни, а в поведении людей акцентируется отъезд из пораженных городов в сельскую местность как наиболее типичное действие. В одном из российских и в казахстанском учебниках это поведение оценивается как деструктивное, способствующее быстрому проникновению болезни в новые местности, в одном из украинских учебников — напротив, как единственный эффективный способ действий, а в остальных — как самоочевидное без какой-либо оценки его правомерности. Так же нейтрально описывается общее эмоциональное состояние страха и отчаяния. При этом понимание ситуации в разных учебниках характеризуется по-разному. Так, в обоих российских учебниках указано, что эпидемия активизировала типичные для эпохи представления о конце света как ожидаемом в обозримом будущем и сопровождающемся различными знаменами, а в белорусском учебнике, напротив, идет речь о переживании текущей ситуации как безвременья, разрыва между прошлым и будущим.

Во всех проанализированных нарративах описывается исключительно поведение горожан, уезжающих в сельскую местность, но не других категорий населения, рассматривавшихся ранее в параграфах, посвященных средневековым сословиям: крестьян в той же сельской местности или сеньоров в своих замках. Отсутствуют какие бы то ни было упоминания о действиях церковных или светских властей, притом что в предшествующих разделах учебников дается подробное описание роли церкви в Средние века и централизации власти в ряде западноевропейских государств.

Таким образом, нарратив о «черной смерти» имеет всего одного протагониста — западноевропейского средневекового горожанина, застигнутого врасплох, дезориентированного, не понимающего причин происходящего и предоставленного самому себе. В рассмотренных ранее сравнительных межстрановых исследованиях учебников отмечается сочетание большей представленности разнообразных социальных акторов, в том числе обладающих меньшей властью и влиянием, с агентностным подходом, а акцента на доминирующих социальных институтах и акторах — напротив, со структурным [Lerch et al., 2017]. Антагонист в этом нарративе отсутствует, поскольку «черная смерть» не персонафицирована, а представлена как объективное природное явление. Одиночество протагониста и, как следствие, отсутствие для него возможности вступать в конфликты с другими действующими лицами соотносится с характерной особенностью нарратива о «черной смерти» — отсутствием развития действия. Так, ничего не говорится ни о географии распространения болезни, ни о каких-либо иных особенностях протекания эпидемии в государствах и областях средневековой Западной Европы. Возникает картина не распространения болезни, пусть очень быстрого, но все же постепенного, а единовременного поражения всего региона. Эта особенность нарратива усиливает фаталистическую подачу «черной смерти», которая уже отмечалась применительно к изложению причин эпидемии.

2.3. Атрибутирование событий

Рассматриваемые учебники во многом сходно трактуют причины того, что эпидемия протекала именно так, а не иначе. Структурные причины фигурируют во всех учебниках, кроме одного из украинских, и в четырех учебниках из пяти характер эпидемии — масштабы и скорость распространения болезни — объясняются прежде всего концентрацией населения и «ужасными условиями жизни» в городах, т. е. сохраняется уже выявленная логика отражения именно городского опыта. Концентрацию населения в средневековом городе правомерно считать высокой по сравнению со средневековой сельской местностью, но априорные суждения об условиях жизни в городе и в селе вряд ли приемлемы. Хотя явного указания на стандарты сравнения не приводится, более вероятно, что условия жизни средневекового города представляются ужасными в сравнении не со средневековым образом жизни вне городов, а с современным городом. Аналогичное имплицитное сравнение с современностью фигурирует в другом варианте структурного атрибутирования, который приводится в одном из российских учебников: происходившее во время и в связи с эпидемией обусловлено тем, что «черная смерть» усилила значимость уже сформировавшихся к тому времени представлений, и прежде всего ожидания конца света как части картины мира средневекового христианства. Таким обра-

Таблица 1. Сравнительный нарративный анализ описаний «черной смерти» в школьных учебниках истории

	Причины	Последовательность событий	Атрибуция последовательности событий	Последствия
Бойцов, Шукуров (Россия)				
Структура	Весь XIV в. — «тяжкие времена». Великий шелковый путь — караваны из Средней Азии. Крысы на кораблях	Крысы на торговых кораблях прибывают в итальянский порт — болезнь опустошает города	Амплификация средневековых представлений о мире	Вымирание трети населения Европы, отдельных городов — полностью. Сокращение численности крестьян
Агентность	Нет	Горожане уезжают в деревни и разносят болезнь дальше — ожидание конца света	Непонимание причин происходящего	Требования большей оплаты труда — крестьянские восстания
Ведюшкин, Уколова (Россия)				
Структура	Голод, неурожай, люди чаще и тяжелее болеют. Контакт с Востоком. Крысы на кораблях	Болезнь уничтожает население	Концентрация населения в городах	Сокращение населения Европы на треть, а в некоторых областях — на три четверти
Агентность	Нет	Миграция из очагов заражения — дальнейшее распространение болезни	Нет	Обвинение евреев; погромы и позднейшие притеснения евреев. Обострение отношений между крестьянами и сеньорами: требование личной свободы против попыток переложить трудности на крестьян
Федосик (Беларусь)				
Структура	Низкая сопротивляемость болезням из-за голода. Контакт с Востоком. Крысы и блохи на кораблях	Болезнь быстро распространяется	Перенаселенность и антисанитария в городах, низкий уровень медицины. Быстрое развитие болезни	Погибла почти половина населения Западной Европы
Агентность	Нет	Горожане уезжают в деревню. Непонимание причин происходящего, страх. Ощущение прекращения жизни, разрыва между прошлым и будущим	Нет	Нет
Крижановский, Хирная (Украина)				
Структура	Средневековые как период бед: эпидемии наряду с миграциями, голодом и войнами	Болезнь быстро уничтожает население	Нет	Погибли от четверти до половины населения Европы

	Причины	Последовательность событий	Атрибуция последовательности событий	Последствия
Агентность	Нет	Уход из пораженных местностей как единственный эффективный способ борьбы с болезнью	Незнание врачами причин болезни и способов лечения	Еврейские погромы — переселение евреев в Восточную Европу. Те, кто присваивал имущество умерших, резко богатели и становились торговцами и банкирами
Лихтей (Украина)				
Структура	Эпидемии — одно из четырех бедствий Средневековья	Болезнь быстро распространяется, дома умерших открыты для разграбления	Концентрация населения и «ужасные условия жизни» в городах	Смерть почти 25 млн человек. Сокращение городского населения Европы на 60%
Агентность	Нет	Атмосфера «отчаяния, ярости и страха»	Нет	Улучшение условий жизни выживших: более выгодная переговорная позиция крестьян и ремесленников из-за недостатка рабочих рук, наследство умерших. Еврейские погромы
Айтбай, Касымова, Ешмукамбетов (Казахстан)				
Структура	Нет	Болезнь быстро распространяется и всегда с летальным исходом	Высокая концентрация населения и антисанитария в городах. Низкий статус медицины. Столетняя война: беженцы и армии. Торговля	Смерть значительной части населения
Агентность	Нет	Люди спасаются из пораженных мест и еще больше распространяют болезнь	Непонимание причин болезни	Нет

зом, структурные причины событий, включенных в нарратив об эпидемии, как и причины самой эпидемии, в учебниках подаются преимущественно, хотя и менее явно, через общую отсылку к особенностям эпохи.

Насколько это замечание справедливо применительно к атрибуции событий, относящейся к категории агентности, — вопрос спорный. Агентностное атрибутирование, в отличие от структурного, фигурирует только в половине учебников. Во всех этих случаях действия людей в ситуации эпидемии объясняются отсутствием медицинских знаний о характере болезни и подлинных причинах ее распространения и общим непониманием происхо-

дящего. Причины этого незнания не раскрываются, как и связь между непониманием происходящего и поведением. По-видимому, для авторов учебников описываемое поведение в ситуации общей дезориентации так же естественно и безальтернативно (или по крайней мере наиболее вероятно), как и отсутствие в Средние века знаний, полученных благодаря современной доказательной медицине. Таким образом, само отсутствие знания специфично для исторической эпохи, но причинно-следственная связь между незнанием и поведением — паникой и стремлением физически самоустраниться из области, пораженной непонятным явлением, — подается как универсальная.

2.4. Последствия «черной смерти»

Перечисляемые в учебниках последствия «черной смерти» достаточно многочисленны. Среди структурных последствий чаще всего упоминается резкое сокращение численности населения. В разных учебниках фигурируют сведения о сокращении населения Западной Европы вследствие эпидемии на четверть, на треть и даже наполовину, а также конкретные цифры или указание на гибель большой части населения без квантификации; иногда приводится информация о высокой смертности в отдельных регионах, в городах и о полном вымирании целых населенных пунктов. Этот способ подачи информации создает картину колоссального бедствия, однако речь идет о сравнении не с последствиями других бедствий и катаклизмов Средневековья или иных эпох, а, по-видимому, с некими общими представлениями о том, какие последствия можно считать катастрофическими. Для авторов учебников очевидно, что гибель четверти и тем более трети населения читатель интуитивно отнесет к этой категории и без пояснений.

Агентностные последствия «черной смерти» более разнообразны. Наиболее часто упоминаемое из них — возросшие требования крестьян в связи с усилением их переговорных позиций из-за недостатка рабочих рук для обработки земли и нежелание сеньоров идти на эти уступки, особенно соглашаться на предоставление крестьянам личной свободы. Следствием этого противоречия и фабулой нарратива, непосредственно следующего в ряде учебников за нарративом о «черной смерти», являются крестьянские восстания в Англии и Франции. Еще один вид последствий «черной смерти» — еврейские погромы, обусловленные конспирологическими теориями, и последующие притеснения евреев и их массовое переселение в Восточную Европу. В исследованиях учебников отмечается агентность этнических и иных меньшинств перед вызовом макросоциальных структур [Bromley, 2014], однако среди рассматриваемых учебников о ней упоминают не все и далеко не в первую очередь, тем самым демонстрируя не возможности осуществления социальных изменений, а, напротив, структурные ограничения, которые «черная смерть» как внешняя угроза не только не ослабила, но, напротив, дополнительно актуализи-

рвала. Также в качестве долгосрочных последствий упоминается резкое обогащение тех выживших, которые наследовали или просто забирали себе имущество умерших и благодаря этому становились основателями торговых и банкирских династий. Таким образом, если структурные последствия «черной смерти» подаются в учебниках как всеобщее и универсальное бедствие, то агентностные трактуются в категориях победителей и проигравших.

Это описание различных видов противостояния, которые, по крайней мере в случае противостояния крестьян и сеньоров, выглядят игрой с нулевой суммой, противоречит ранее представленной в учебниках картине западноевропейского средневекового общества как устойчивой и внутренне согласованной иерархической структуры, инертность которой было трудно поколебать даже энергичным и обладающим властью реформаторам. Это изменение не эксплицируется, однако хорошо согласуется с местом нарратива о «черной смерти» в учебниках — как истории об одном из «бедствий», открывающем новый этап Средневековья. Это обновление характеризуется общим ухудшением условий жизни, а не возросшей пластичностью общественного устройства. Новые возможности появляются, но воспользоваться ими в нарративах удастся либо по воле случая (получение имущества умерших), либо в зависимости от положения в существовавшей до эпидемии структуре средневекового общества (крестьянские войны и притеснения евреев). Это ограничение возможностей, как и само противостояние и игра с нулевой суммой, подается скорее нейтрально, как нечто неизбежное и естественное. Конспирологические теории, напротив, явно осуждаются, однако их происхождение связывается исключительно с особенностями эпохи — средневековой западноевропейской юдофобией — и поэтому не предполагает генерализации. Хотя в изложении последовательности событий достаточно много внимания уделяется психологическому состоянию людей, субъективные последствия пережитого опыта не рассматриваются. Из описания того, как крестьяне сразу после окончания эпидемии осознали и стали использовать свою более сильную переговорную позицию, создается впечатление, что, как только «черная смерть» отступила, повседневная жизнь и общее мироощущение сразу же вернулись в привычное русло.

3. Обсуждение Результаты проведенного анализа нарративов о «черной смерти» в современных русскоязычных школьных учебниках истории демонстрируют первичность структуры по отношению к агентности. Она характерна для учебников из всех четырех стран (выраженных межстрановых различий в трактовке проанализированного материала вообще не просматривается) и проявляется при изложении как причин возникновения эпидемии, так и ха-

рактера ее протекания и связанных с нею событий. В отличие от многообразия структурных характеристик эпидемии, ее причин и последствий, действующие лица представлены в виде недифференцированной массы средневековых горожан. Их действия и переживания в нарративах подаются как одинаковые и жестко детерминированные внешними обстоятельствами — самой ситуацией эпидемии и более общими характеристиками эпохи. Авторы учебников расходятся в оценке правомерности единственного упоминаемого ими способа противостоять эпидемии — уехать как можно дальше и оставаться там как можно дольше, однако единодушны в том, что и сама эпидемия, и ее бедственные последствия были неизбежны. Таким образом, учебники не предлагают эталонных поведенческих паттернов как примеров для подражания и неявно транслируют представление о поведении в условиях эпидемии как массовидном явлении, а не результате индивидуального выбора. Это единообразие возникает спонтанно и вопреки тому, что участники событий в нарративах о «черной смерти» представлены самим себе, без какого-либо унифицирующего вмешательства светских или церковных властей. Отсутствие внесенного извне, консолидированного и потенциально консолидирующего плана противодействия эпидемии может не открывать возможностей для проявления агентностного начала, но выступать таким же ограничивающим социальным фактом, как и его наличие, создавая общее состояние дезориентации. Преобладание структуры одновременно исключает этатизм: средневековые государства, как и иные социальные институты, например церковь, наделены агентностью не в большей степени, чем индивидуальные акторы, — все они предстают скорее заложниками структурных ограничений. Такое представление об агентности вступает в явное противоречие с двумя условиями эффективной борьбы с эпидемией: качеством государственного управления и осознанной готовностью населения следовать предписаниям властей, невзирая на массово распространяющуюся недостоверную информацию. Средневековый житель областей, пораженных эпидемией, каким он предстает в школьных учебниках, напротив, брошен на произвол судьбы, дезориентирован, спонтанно и нерелексивно копирует поведение и взгляды окружающих, тем самым способствуя распространению не только самой эпидемии, но и ложных представлений о ней. Таким образом, учебники транслируют своего рода идеальный негативный пример — квинтэссенцию нежелательного поведения и мировосприятия в условиях эпидемии, но при этом, за исключением осуждаемых конспирологических теорий, не маркируют его в этом качестве. Поэтому обучение от обратного здесь неочевидно, в то время как общая фаталистическая позиция представлена вполне отчетливо.

Фатализм, которым пронизаны нарративы о «черной смерти» в учебниках, имеет важную особенность — эксплицитную

ограниченность рамками эпохи. Преобладание структуры над агентностью не задано спецификой самой эпохи Средних веков и применительно к современным социальным наукам имеет выраженную ценностную составляющую: степень веры в возможность реализации направленных социальных изменений. Трактовка эпидемии как атрибута Средневековья может восприниматься по-разному. С одной стороны, экзотизация эпидемии в одном ряду с рыцарскими турнирами, крестовыми походами и готической архитектурой усиливает типичную реакцию на любое внезапное и непредвиденное негативное событие — отрицание реальности происходящего, что в условиях эпидемии может приводить к недооценке вероятности заражения и, как следствие, более рискованному поведению. С другой стороны, если эпидемия — атрибут Средневековья как эпохи бедствий, то эпидемия в любую другую эпоху может расцениваться как знак наступления «плохих времен». Такой способ восприятия может привести и к ожиданию новых бедствий сопоставимого масштаба в будущем, и к переживанию их как неотвратимых, и к переоценке значимости негативных явлений в настоящем, опять-таки в сочетании с катастрофизацией их возможных последствий.

Таким образом, результаты проведенного нарративного анализа раскрывают возможные практические импликации изначально заложенного в любом историческом нарративе противоречия между стремлением избежать анахронизмов и дать по возможности объективную картину прошлого, с одной стороны, и дидактическим посылом обращения к истории как к «учительнице жизни» — с другой. В проанализированных учебниках, несмотря на более очевидную по сравнению с другими жанрами исторического нарратива и даже нормативно заложенную дидактическую роль, стремление дать картину эпохи, свободную от анахронизмов, явно преобладает над предоставлением возможности извлечь урок. Сами авторы учебников, по-видимому, были уверены, что, излагая историю «черной смерти», воссоздают для современной целевой аудитории события давно ушедшего прошлого, не предполагая их соотнесения с индивидуальным опытом в настоящем. В этом случае речь идет о непреднамеренном обучении, когда возникновение явной аналогии с событиями прошлого побуждает обращаться к доступному историческому опыту в поисках прогнозов возможного течения событий, их последствий и образцов поведения, вследствие чего изначально нейтральное замыслу авторов повествование приобретает прогностический («вот что и как может произойти») и нормативный («вот как можно действовать и чувствовать») статус. По интенции беспристрастное изложение событий может косвенно способствовать воспроизведению неоптимальных поведенческих паттернов из-за отсутствия альтернативных примеров для подражания.

Один из возможных способов избежать таких непреднамеренных последствий, не впадая в явное морализаторство и неправомерную для современного исторического нарратива генерализацию, — сравнение с аналогичными событиями других исторических эпох, в данном случае с другими эпидемиями. Это сравнение может быть представлено как в основном тексте учебника, так и в контрольных вопросах или в виде задания для творческого проекта. Другой способ преодоления этого противоречия — контрфактическое моделирование, когда школьникам предлагается представить альтернативные возможности развития событий, в том числе варианты поведения разных действующих лиц. При этом иные паттерны поведения вырабатываются одновременно с предотвращением анахронизма посредством погружения в изучаемую историческую эпоху и осознания ее внутренней логики, агентностных возможностей и структурных ограничений. В обоих случаях предполагается усиление агентности за пределами исторического нарратива — в самом процессе изучения истории, особенно если речь идет об истории негативного опыта, который не хотелось бы воспроизводить в настоящем.

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Литература

1. Вельцель К. (2017) Рождение свободы. М.: ВЦИОМ.
2. Косякова В. А. (2018) Мем как проект просвещения: наброски к портрету «Страдающего Средневековья» // Платоновские исследования. № 8 (1). С. 202–209.
3. Окольская Л. А. (2012) Жизненные ценности в учебниках для старшей школы // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. № 1. С. 93–125.
4. Пузанова Ж. В., Троцук И. В. (2003) Нарративный анализ: понятие или метафора? // Социология: 4М. № 17. С. 56–82.
5. Bave J. J. V., Baicker K., Boggio P. S. et al. (2020) Using Social and Behavioural Science to Support COVID-19 Pandemic Response // Nature Human Behavior. No 4. P. 460–471.
6. Bloor M., Bloor T. (2013) The Practice of Critical Discourse Analysis: An Introduction. London: Routledge.
7. Bromley P. (2014) Legitimacy and the Contingent Diffusion of World Culture: Diversity and Human Rights in Social Science Textbooks, Divergent Cross-National Patterns (1970–2008) // Canadian Journal of Sociology. Vol. 39. No 1. P. 1–44.
8. Bromley P., Meyer J. W., Ramirez F. O. (2011) The Worldwide Spread of Environmental Discourse in Social Studies, History, and Civics Textbooks, 1970–2008 // Comparative Education Review. Vol. 55. No 4. P. 517–545.
9. Davies N. (2014) Europe: A History. New York: Random House.
10. Elliott A. B. (2017). Medievalism, Politics and Mass Media: Appropriating the Middle Ages in the Twenty-First Century. Woodbridge: Boydell & Brewer.
11. Éthier M. A., Lefrançois D., Demers S. (2013) An Analysis of Historical Agency in Québec History Textbooks // Education, Citizenship and Social Justice. Vol. 8. No 2. P. 119–133.
12. Fabrykant M. (2017) “Do It the Russian Way”: Narratives of the Russian Revolution in European History Textbooks // Slavic Review. Vol. 76. No 3. P. 741–752.

13. Lerch J., Bromley P., Ramirez F. O., Meyer J. W. (2017) The Rise of Individual Agency in Conceptions of Society: Textbooks Worldwide, 1950–2011 // *International Sociology*. Vol. 32. No 1. P. 38–60.
14. Matthews D. (2015) *Medievalism: A Critical History*. Cambridge: Boydell & Brewer.
15. Meyer J. W., Jepperson R. L. (2000). The 'Actors' of Modern Society: The Cultural Construction of Social Agency // *Sociological Theory*. Vol. 18. No 1. P. 100–120.
16. Shilling C. (1992) Reconceptualising Structure and Agency in the Sociology of Education: Structuration Theory and Schooling // *British Journal of Sociology of Education*. Vol. 13. No 1. P. 69–87.
17. Stanton C. R. (2014) The Curricular Indian Agent: Discursive Colonization and Indigenous (dys)Agency in US History Textbooks // *Curriculum Inquiry*. Vol. 44. No 5. P. 649–676.

References

- Bave J. J. V., Baicker K., Boggio P. S. et al. (2020) Using Social and Behavioural Science to Support COVID-19 Pandemic Response. *Nature Human Behavior*, no 4, pp. 460–471.
- Bloor M., Bloor T. (2013) *The Practice of Critical Discourse Analysis: An Introduction*. London: Routledge.
- Bromley P. (2014) Legitimacy and the Contingent Diffusion of World Culture: Diversity and Human Rights in Social Science Textbooks, Divergent Cross-National Patterns (1970–2008). *Canadian Journal of Sociology*, vol. 39, no 1, pp. 1–44.
- Bromley P., Meyer J. W., Ramirez F. O. (2011) The Worldwide Spread of Environmental Discourse in Social Studies, History, and Civics Textbooks, 1970–2008. *Comparative Education Review*, vol. 55, no 4, pp. 517–545.
- Davies N. (2014) *Europe: A History*. New York: Random House.
- Elliott A. B. (2017). *Medievalism, Politics and Mass Media: Appropriating the Middle Ages in the Twenty-First Century*. Woodbridge: Boydell & Brewer.
- Éthier M. A., Lefrançois D., Demers S. (2013) An Analysis of Historical Agency in Québec History Textbooks. *Education, Citizenship and Social Justice*, vol. 8, no 2, pp. 119–133.
- Fabrykant M. (2017) "Do It the Russian Way": Narratives of the Russian Revolution in European History Textbooks. *Slavic Review*, vol. 76, no 3, pp. 741–752.
- Kosyakova V. A. (2018) Mem kak proekt procvshcheniya: nabroski k portretu "Stradayushchego Srednevekoviya" [Meme as an Enlightenment Project: Sketches to the Portrait of the Suffering Middle Ages]. *Platonic Investigations*, no 8 (1), pp. 202–209.
- Lerch J., Bromley P., Ramirez F. O., Meyer J. W. (2017) The Rise of Individual Agency in Conceptions of Society: Textbooks Worldwide, 1950–2011. *International Sociology*, vol. 32, no 1, pp. 38–60.
- Matthews D. (2015) *Medievalism: A Critical History*. Cambridge: Boydell & Brewer.
- Meyer J. W., Jepperson R. L. (2000). The 'Actors' of Modern Society: The Cultural Construction of Social Agency. *Sociological Theory*, vol. 18, no 1, pp. 100–120.
- Okolskaya L. (2012) Zhiznennye tsennosti v uchebnikakh dlya starshey shkoly [Value Orientations in Textbooks for High School]. *Voprosy obrazovaniya/Educational Studies Moscow*, no 1, pp. 93–125.
- Puzanova Zh. V., Trotsuk I. V. (2003) Narrativny analiz: ponyatie ili metafora? [Narrative Analysis: Concept or Metaphor?]. *Sociology: 4 M*, no 17, pp. 56–82.
- Shilling C. (1992) Reconceptualising Structure and Agency in the Sociology of Education: Structuration Theory and Schooling. *British Journal of Sociology of Education*, vol. 13, no 1, pp. 69–87.
- Stanton C. R. (2014) The Curricular Indian Agent: Discursive Colonization and Indigenous (dys)Agency in US History Textbooks. *Curriculum Inquiry*, vol. 44, no 5, pp. 649–676.
- Welzel K. (2017) *Rozhdenie svobody* [Freedom Rising]. M.: Russian Public Opinion Research Center.